

Анастасия Гор

2:36 по
Андрее

ЧЕРНЫМ
БЕЛО

МОСКВА 2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г67

Иллюстрация на переплете
Иоанны Мефодиевны

Гор, Анастасия.

Г67 2:36 по Аляске / Анастасия Гор. — Москва : Эксмо, 2023. — 512 с. : ил.

ISBN 978-5-04-190829-4

Джейми Рейс — единственная во всей Аляске, проснувшаяся утром 27 августа после рокового «2:36» на часах. Обнаружив вокруг себя лишь мертвецов, Джейми решает во что бы то ни стало добраться до Орегона, где осталась ее семья. Однако новый мир, хоть и безмолвный, таит в себе много опасностей. На помощь Джейми приходит Крис Роуз — бывший офицер полиции, ныне возглавляющий группу выживших.

Казалось бы, их встреча — подарок судьбы, ведь на Земле почти не осталось живых людей. Вот только Крис совсем не тот, кем кажется, а демоны его куда страшнее любого конца света.

Но самое страшное происходит, когда эти демоны вдруг влюбляются в Джейми...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-190829-4

© Гор А., 2023
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Пролог

Ночь. Она вопила сильнее, чем совы, что трапезничали в зарослях сосен. Ночь трещала по швам, взрываясь от криков людей, сгорающих заживо. Я бежала не останавливаясь, потому что только так можно спрятаться от отчаяния и гнева, удушающих подобно углекислому газу.

А еще я пряталась от **него**. Тяжелая поступь нарастала следом. Давя ботинками сухой хворост, он не отставал ни на шаг. Лес пропах мхом и ноябрьской слякотью, но я все равно чувствовала лишь один запах: терпкий вихрь из дорогого парфюма и пороха. Так пах мой преследователь, и от этого меня вот-вот грозило вывернуть наизнанку.

Спустя пятнадцать минут я снова споткнулась. Ступни онемели от холода даже сквозь подошву сапог. Ноги подкашивались от усталости, колени дрожали, как и пальцы, с трудом удерживающие заряженный револьвер. Все патроны были на месте. Я до сих пор ни разу не выстрелила, боясь не то промахнуться, не то, наоборот, попасть...

А зря.

Едва не прорыв носом сугроб, когда ноги вновь подогнулись, я наконец рискнула взять передышку. Припав к земле, ползком добралась до первого встречного дерева и прижалась к нему спиной. Затем я откинула голову и, тяжело осев на землю, прильнула щекой к жесткой коре, прислушиваясь. Пальцы заледенели. Я боялась нечаянно выронить скользкий револьвер и потерять его под толстым слоем снега. Ресницы покрылись инеем, а в висках гулко стучала кровь, но я все равно услышала его голос:

— Малышка, ты же знаешь, что я не люблю играть в прятки. Ну же, выходи. Ты что, хочешь заболеть?

«Лучше сдохну от пневмонии, чем выйду к тебе, ублюдок», — комом встало в горле, но, сжав губы, я не осмелилась даже пискнуть в ответ.

Какие у меня были варианты? Выбежать и попасть прямоком на мушку или же остаться здесь и замерзнуть насмерть. Выбор без выбора. Только молитва.

«Пожалуйста, пусть он уйдет... Пусть он меня не заметит. Господи, я сделаю все, что захочешь, если он просто уйдет!»

Но Господь не поверил. Если честно, в это не верила даже я сама.

Снова треск хвороста и шаги. Щелчок винтовки.

— Я слышу клацанье твоих зубов, Джеремя.

Я затаила дыхание и действительно обнаружила, что нижняя челюсть стучит о верхнюю в ознобе. Неужели настолько громко? Подогнув ноги и зажав подбородок между коленей, я стиснула зубы и велела себе затихнуть. Во рту все еще стоял вкус пепла.

«Ну же, проходи мимо, черт возьми!»

Волчий вой где-то далеко-далеко. Кряхтение сов. Свист ветра и все еще гремящие взрывы газовых баллонов, сносящих прочь лагерь, ставший родным.

Вдох-выдох. Выдох-вдох.

Ночь снова закричала, только уже без меня.

— Попалась!

До смешного банальный прием, но я купилась. Слишком долго томилась в ожидании момента, когда к моему виску приставят дуло винтовки. Он сыграл на этом, окликнув меня со стороны, противоположной той, где я находилась на самом деле. Но я все равно подпрыгнула, выдавая себя с потрохами.

Какой позор.

Услышав, как он усмехнулся, я перепрыгнула поваленное дерево и бросилась наутек. То, что я сумела удрать от него в первый раз, — лишь его извращенная прихоть. Во второй раз не выйдет. Ему надоело играть.

Он прицелился, так неторопливо, словно злорадствовал, растягивая удовольствие от охоты.

Палец на курке. Спуск. Выстрел.

Пуля пробила бедро выше колена. Я завопила и тут же утратила равновесие, кувырком покатила вниз по заснеженному склону.

Палец на курке. Спуск. Выстрел.

Он повторял все по кругу — стрелял снова и снова, только уже не целясь. Просто пугал меня, пусть это и было бессмысленно: я и так была напугана уже до чертиков.

Наконец, остановившись где-то внизу оврага и потеряв по пути револьвер, я бросилась на землю и, смахнув с лица снег, опустила взгляд на ногу.

Белый покров подо мной стремительно краснел. Кровь хлестала так, словно он прострелил банку с вишневой газировкой. Пуля прошла навывлет — я видела это по дыре в собственных джинсах с двух сторон. Одна хорошая новость наперевес трем другим: я не могла идти, я рыдала от боли и со склона на меня смотрел тот, на чьих плечах лежала вина за все случившееся.

Я всегда ненавидела снег, но зачерпнула его горсть ладонью и поблагодарила судьбу за утренний буран: снег немного унял боль и компенсировал отсутствие времени на перевязку. Кровь начала останавливаться, позволив мне продолжить бежать.

И я побежала.

Последняя секунда будто тянулась целую жизнь. Логичный финал, который хотелось отложить на потом. Надежды не существует, ведь иначе она бы оправдалась хоть единожды. Хотя бы сейчас, сумей я добежать до соседней кромки леса и спрятаться меж колкой хвои... Но я все-таки не успела.

Тяжелый вздох за спиной. Шлепок рюкзака на землю. Судя по всему, он снова прицелился. **Выстрел.**

Снайперская винтовка у него мощнее обычной, а точность острее, чем у простого любителя. Он не профессионал, но ему

хватило умения поставить выстрел так, чтобы пуля врезалась в землю в нескольких сантиметрах от моего шага.

Охваченная паникой, я метнулась в сторону. Раненая нога подвернулась, а вторая заскользила на гладкой поверхности, устремляющейся вниз, к реке, бушующей у подножия скал.

Потеряв где-то позади оружие, я следом потеряла и себя: безвольно упала в пропасть, а затем жадно глотнула ледяной воды вместо желанного кислорода, надеясь всплыть наверх. Но не всплыла. Уже, кажется, никогда.

Река окрасилась в светлый багрянец от моей крови.

ЧАСТЬ I

КОШМАРНЫЙ СОН

Сумрачный лес

Земную жизнь пройдя до половины,
Я очутился в сумрачном лесу...

Данте Алигьери. Божественная комедия

Запись

Что первым приходит вам на ум, когда вы слышите слова «конец света»? Атомная война? Космический корабль пришельцев, повисший в темном бархате неба? Смертоносный вирус, превращающий людей в бездумных голодных зомби? Вам приходит на ум все что угодно, и это «все» обязательно ассоциируется с массовой паникой и хаосом. В голове зреет любой сценарий, кроме одного: конец света необязательно должен быть шумным и даже заметным.

Это случилось тихой ночью в конце августа, когда еще достаточно тепло для барбекю, но уже не так, чтобы готовить его в одной майке. Лето на Аляске куда холоднее обычного, но мне все равно нравилось проводить каникулы здесь. Правда, мой энтузиазм навсегда исчез после одного-единственного четверга.

27 августа. 2:36, застывшее на всех часах — настенных, наручных, настольных. Те, кто еще не спал в это время суток, вдруг разом уснули. И уже не проснулись. Во всем студенческом городке под названием Фэрбенкс в штате Аляска утро наступило лишь для меня одной.

Первой я попыталась разбудить свою соседку Верити. Когда, столкнув ее с постели на пол, я не услышала привычного ворчания, я первым делом приложила два пальца к артерии на ее шее. Хватило пары секунд, чтобы убедиться: сердце не бьется. Бледная, почти лиловая, она отчетливо выделялась на

фоне дубового пола. Рыжие волосы, словно языки пламени, пожирала осунувшееся лицо.

— Стефани! Верити мертва, Стефани! — Я вопила так, что начало саднить горло. Меня била дрожь, я бездумно накинула на Верити одеяло с эмблемой нашего университета — полярным медведем — и ринулась к стоящей в углу кровати Стефани.

Честно сказать, Стеф никогда не была мне близкой подругой, в отличие от Вер. Нам не удавалось найти общий язык, но мне было достаточно и того, что она показывала себя примерным сожителем. Никогда не забывала выкинуть просроченное молоко или вовремя вернуть одолженную книгу. У Стефани были черные волосы и серые глаза — идеальное сочетание холодности и великолепия. Помимо красоты и хозяйственности, она обладала невероятно острым умом. Но даже этот ум не уберег ее от вечного сна.

— Стефани! — снова вскричала я, дергая за рукав фланелевой сорочки, и Стефани неуклюже соскользнула с постели вниз вместе с подушкой.

Вот уже два мертвых тела лежали у моих ног.

Съездившись на коврике посреди комнаты, я просидела так около пятнадцати минут, молча приходя в себя, пока не грянула истерика. И я заплакала. Не знаю, сколько именно я рыдала, размазывая следы вчерашнего макияжа по лицу. Но когда это закончилось, я не могла даже говорить.

В глубине души я верила, что кто-то придет на мои завывания. Героически ворвется в комнату и спасет меня от трагедии. Две смерти за ночь в одной спальне без очевидных причин — такого ведь просто не бывает! А еще не бывает того, чтобы меня никто не услышал и не пришел. Чтобы точно так же, как Верити и Стефани, меня покинули все остальные.

Но в этом мире случается даже то, чему случиться на первый взгляд просто не суждено.

— Томми...

Это было третье имя, сорвавшееся с моих уст в то утро. Затем Лен. Кирилл. Айзек. Глория. Приветливый белокурый

парнишка по имени Мишель. Здешняя «малышка на миллион» Виви. Даже преподаватель микробиологии со своей женой Стэйси.

Их было много, точнее — все. Общежитие превратилось в склеп. Если зайти в комнату и оглядеться, то все кажется нормальным: уютная спальня подростков, отсыпавшихся после напряженной учебной недели. Но это не подростки. Это Тела. Так я стала звать их, чтобы лишний раз не смаковать слово «трупы». Они — моя единственная компания, потому что за все сорок семь дней я не встретила никого, у кого в груди по-прежнему бы билось сердце.

В кармашке осталась последняя пачка мармеладных мишек. На одних сладостях с бесконечным сроком годности долго не продержаться, но я пыталась. Мой путь был и остается дальним. Я шла в истоптанных кедах к границе, с походным рюкзаком за плечами и с почти разрядившимся плеером. Лишь музыка скрашивала мое путешествие до Орегона, куда я направлялась, чтобы вернуть родных. Ну или то, что от них осталось.

После заката на улице становилось небезопасно. Медведи гризли любили бушевать под конец летнего сезона. Я почти не спала. Лишь окончательно выбившись из сил из-за странствий или рыданий взахлеб, я проваливалась в долгожданное забытие. А проснувшись, снова погружалась в неизменный кошмар. Единственным утешением стал алкоголь, но он слишком задерживал меня: за целых полтора месяца я не преодолела и половины Аляски. Пережив шестое по счету похмелье за две недели, в приступах рвоты я сердечно поклялась бросить — и завязала. Наверное, это был самый короткий период алкоголизма за всю человеческую историю.

Пересекая речной мост, я притормозила, чтобы глянуть на отражающую гладь воды как на своеобразное зеркало. Видеть собственное лицо было трудно, ведь в нем прослеживаются чужие черты — моих родителей, сестры и брата. Каждая линия так или иначе связана с ними и навеивает воспоминания. От отца мне досталась смуглая кожа с россыпью веснушек, гроздьями усеявшими тело, и высокий рост, в котором я уже к четыр-

надцати годам превосходила свою мать, хрупкую и русую, как коренные прибалтийцы. У нас с ней были одинаково зеленые глаза. Но в остальном во мне было больше от юга — темные волосы да страсть к испанской сангрии. Джесс — моя младшая сестра — ненавидела сангрию. Да и меня иногда тоже. Севера от матери в ней было даже больше, чем во мне юга от отца, и под «севером» я подразумеваю совсем не внешность.

Джесс была младше меня всего на шесть лет, но пропасть между нами была на все двадцать. Однажды, когда я только пошла в школу, мама подозвала меня к себе и ткнула пальцем в свой живот.

— Смотри, здесь растет твоя сестренка. Скоро вы будете играть вместе и заботиться друг о друге, — сказала она.

Мама еще никогда так не ошибалась.

— Почему он выбрал тебя?

Джесс буквально выхватила у меня из рук расческу, когда я, проигнорировав ее угрожающий тон, продолжила невозмутимо приводить в порядок прическу. Неохотно взглянув на сестру, я обнаружила уже знакомое зрелище: пылающие от гнева щеки и пухлая нижняя губа, дрожащая от обиды.

— Не молчи!

Тяжело вздохнув, я подобрала с туалетного столика шпильки и закрепила ими локоны на затылке.

— Что ты хочешь услышать?

— Почему вместо меня он выбрал тебя?!

Я закатила глаза и, обернувшись на Джесс, потянулась к своей расческе. Она упрямо отдернула руку.

— Он все равно не подходит тебе, — скривилась я.

— Почему это?

— Тебе тринадцать, Джесси.

— Ну?

— А ему двадцать три.

— И что?

— И, как все тринадцатилетки, ты слишком подвержена гормонам, чтобы думать головой! — простила я и, все же опередив реакцию сестры, вырвала расческу обратно. — Макс для тебя слишком взрослый. Да и это уже четвертая твоя «большая любовь» за последние полгода. Может, хватит убиваться по пустякам? Лучше помоги мне отыскать земляничные духи. Ты их, случаем, не брала?

Я услышала, как Джесс зашипела сквозь сжатые зубы, а затем она резко подалась вперед и хлопнула ладонью по моей укладке. Острые шпильки со звоном посыпались на пол, а заколка болезненно царапнула кожу над шеей. На глазах у меня едва не навернулись слезы, но торжествующее лицо Джесс в отражении зеркала помогло удержаться от слабости.

— Ах ты маленькая!..

Джесс попятилась, когда, схватив накаленный утюжок для волос, я развернулась к ней всем корпусом.

— Я все расскажу тете Ларет! — испуганно заверещала она, когда утюжок оказался в опасной близости от ее щеки. — Расскажу, как ты поступаешь со мной и какая ты... гадина!

— Эй, не смей ругаться!

— Иначе что? — воскликнула она снова, и я вдруг замешкалась, когда из-под ее век тут же хлынул поток горячих театральных слез. Ох, только не снова! — Сама идешь на свидание с ним, а меня оставляешь здесь, совсем одну! И когда начнется учебный год, снова оставишь, как Эш оставил! Ты ничем не лучше его. Почему я тогда не села в машину вместе с мамой и папой?!

От надрывного воя, на который сошел ее плач, я содрогнулась и моментально сдалась, опустив вниз плойку и выдернув ее из розетки.

— Не надо, — попросила я тихо и, подойдя к сестре, обхватила ее руками, зная, что она будет сопротивляться, а оттого стискивая еще крепче. — Эш не бросал нас. Он уехал поступать в университет, чтобы затем вернуться и забрать нас к себе, понятно? Мы делаем это, чтобы заботиться о тебе.

— Как? — жалобно всхлипнула Джесс в моих объятиях. — Как Эш позаботится обо мне из соседнего штата?! А как это сделаешь ты из Аляски?..

— Джессамина! — резко оборвала я начинающуюся истерику, и сестра наконец-то затихла. Склонившись к ее волосам, я зарылась в них носом. — Тетя Ларет присмотрит за тобой до моего возвращения, а уже через год Эш устроится на работу и ты переедешь к нему. Следующее лето мы, как обычно, проведем вместе. Никто никого не бросает. — Я сдвинула пальцами плечи Джесс, выбивая из нее неохотный кивок. — И не смей говорить, что тебе жаль, что не поехала тогда вместе с родителями. Я, ты и Эшли — мы все еще живы, и это главное. Ты правда думаешь, что такие проблемы, как Макс или учеба в университете, столь важны по сравнению с этим?

Джесс шмыгнула заложенным носом и опустила глаза. Ее лицо приобрело недоверчивое выражение, и мне это не понравилось.

— Только посмей сказать, что имеют, и я измажу тебя в... — Я бросила беспомощный взгляд на туалетный столик и выпалила: — В геле для волос! Ясно?

Джесс вяло хихикнула. Когда я отпустила ее, она снова потупилась, и «север» в ее крови возобладал: взгляд сделался сухим и резким, а мимика непроницаемой. Уставившись куда-то на собственные ладони, Джесс уже знакомо задрожала, и я тут же прикусила себе язык, пожалев о ненароком вылетевших словах про укладочный гель.

— Надо помыть руки.

И Джесс пулей бросилась в ванную комнату к стойке с антибактериальным мылом и влажными салфетками.

Не считая этого случая, в последний раз мы с Джесс обнимались на день рождения отца, когда выносили фруктовый торт. Стоило родителям погибнуть в автокатастрофе, как

и поводов мириться у нас не стало. Я и Джесс окончательно утратили взаимопонимание. Наш старший брат Эшли пытался склеить семью буквально по кусочкам, но семья — это не хрустальная ваза. Такое проще выкинуть на помойку, чем починить.

— Однажды мы снова будем вместе. Я найду жилье, и вы переедете ко мне в Неваду. Обещаю не развлекаться без вас в Лас-Вегасе, — с улыбкой произнес Эшли перед отъездом. У него на руках уже лежал билет в один конец и приглашение из Университета Рено.

Я улыбалась в ответ, искренне радуясь его поступлению, к которому он готовился два с половиной года. Джесс же молчала, растирая руки влажными салфетками до болезненного покраснения. Ее рипофобия, появившаяся после аварии, обострялась каждый раз, стоило ей занервничать. В глубине души Джесс знала, что скоро уеду и я. К несчастью, она была права.

Фэрбенкс был единственным университетом, предложившим мне стипендию, и Джесс осталась в Орегоне с нашей тетей Ларет. Благо та оказалась слишком умна, чтобы пытаться заменить нам родителей, и потому стала самой классной тетей в мире. В этом Джесс повезло: в отличие от меня, они были вдвоем и, вероятно, выживали тоже вдвоем. Они обязательно проснулись, как и я, — другой вариант даже не рассматривался. Ведь зачем я тогда пересекаю Аляску, чтобы добраться до Орегона, а затем и до Невады и Эшли? Умереть вместе с остальным миром и потратить мои силы впустую — слишком жестокий поступок с их стороны. Такое я Джесс, в отличие от кражи моих земляничных духов, не прощу.

Быть порознь с семьей, какой бы она ни была, — неправильно, тем более когда с миром происходит такое.

Итак, сколько уйдет консервированных ананасов, сосисок и паштета за неделю пути? Хм, было бы неплохо раздобыть еще складную палатку. Значит, придется отклониться от магистральной трассы, заскочить в ближайший супермаркет и...

2

Голос в тишине

Ш-ш-ш.

— Что такое? Черт! Я же еще не закончила!

Диктофон в моих руках издал неестественный скрип, не предвещающий ничего хорошего. Я озадаченно уставилась на маленькое устройство, уместающееся в ладони, и неожиданно переносицу мне обжег едкий запах плавящейся пластмассы.

Что ж, рано или поздно это должно было случиться. Выругавшись, я подскочила с табурета и швырнула дымящийся диктофон в коробку с таким же бесполезным барахлом. Стрелка на часах, что я заводила интуитивно, уже подбиралась к полудню. Теперь вокруг действительно было тихо. Тише, чем я могла вынести. Запись истории о гибели мира и болтовня вслух — все, благодаря чему я держалась. Больше месяца я говорила, говорила, говорила... Идиотский способ не сойти с ума. Видимо, пора перестать отвлекаться на всякую ерунду и идти дальше.

Походный рюкзак, одолженный у моего мертвого соседа Томми, который страстно любил походы в горы. Фонарик — из его же шкафа. Свежая одежда, дорожная карта, спички, эластичный бинт, пластыри и пенициллин из студенческого лазарета. А еще кухонный нож из закусочной — сносная альтернатива охотничьему. И, конечно же, очки, на которые мне упрямо не хочется менять изношенные и сухие контактные линзы.

Я натянула на голову капюшон, прячась от назойливых москитов, и покинула придорожный отель, ставший мне домом на последние два дня передышки.

— Не хворайте, мистер Бейтс, — весело махнула рукой я мужчине в кресле, давно покрывшемуся слоем пыли, как и бейдж на его груди.

Мистер Бейтс был единственным Телом во всем мотеле, которое я нашла. Иногда спящий консьерж даже служил мне

неплохим собеседником, учитывая, что собеседников у меня не было вовсе. Все портил лишь синеватый цвет его лица и абсолютное безразличие к нашей дискуссии. Мистер Бейтс, как и другие Тела, совсем не выдавал признаков разложения. У них даже не было трупного запаха. Я старалась не заострять на этом внимание, чтобы не бояться еще сильнее.

Стоило мне ступить за порог, как в лицо рьяно ударил ветер — особенности осени на Аляске. Уткнувшись в воротник носом, я доволокла чей-то самокат до середины дороги, пролегающей вдоль железнодорожных путей, и вскочила на него с разбегу. Колесики в пестрых наклейках едва справлялись с сырым и промерзшим асфальтом, но так все равно проще, чем идти пешком. Впереди виднелся указатель: «Анкоридж — 330 миль».

Внимание то и дело обращали на себя застрявшие в канавах машины: кто-то, очевидно, ехал по шоссе среди ночи, и того смерть застала прямо за рулем. Я не раз проверяла, заводятся ли такие авто, но эта идея никогда не срабатывала. К чему бы я ни притронулась, все уже было сломано. Лишь однажды мне посчастливилось завести желтый минивэн, но я была слишком пьяна, чтобы уехать далеко: минивэн перевернулся на следующем же повороте. Видимо, не просто так осталась в живых именно я — это просто очередная нелепица.

Однако иногда просветы все же случаются.

— Оптика!

Восторженный вопль вырвался спонтанно. Долгожданный магазин очков не мог вызвать у меня иную реакцию. В них всегда можно отыскать механический автомат с контактными линзами всех диоптрий и видов. И если я не ошибаюсь...

— Проблема.

Черт, опять вслух.

Я подперла дверь самокатом — брат так и не научил меня кататься на велосипеде, засранец, — и припала лбом к автомату внутри, судорожно соображая, где бы отыскать что-то достаточно увесистое, чтобы пробить стекло толщиной в дюйм.

Сбросив рюкзак, я отправилась в соседнюю автомастерскую. Уже спустя пять минут мне удалось вернуться в магазин со свинцовым молотом в руках. Запястья ныли от тяжести, но на один размах меняхватило: от удара стекло крошкой обрушилось на мою обувь. Распихав все коробки по отделениям рюкзака, я вскрыла одну из пластин и с облегчением заменила линзы на свежие. Какое же это блаженство — смотреть на мир без боли в глазах!

Утрамбовав рюкзак, я, счастливая, вернулась к самокату и покатила дальше. Лишь спустя пятьдесят метров рукав толстовки показался мне слишком тяжелым и липким. Опустив глаза, я поморщилась: на радостях и не заметила, как один из осколков, в куче которых я самозабвенно рылась, распорол мне ладонь. Алая полоса тянулась от большого пальца до безымянного. Кровь закапала мне на куртку, стекая вниз. Засмотревшись, я упустила момент, когда самокат наехал на препятствие и увяз в чем-то мягком.

Руль дернулся, и я остановилась, чтобы отцепить от самоката голубое одеяло, намотавшееся на колеса. Распутав ткань, я осмотрела эмблему, вышитую по центру. Эта эмблема принадлежала моему университету в Фэрбенксе, от которого я была уже в неделях ходьбы. Эскиз этой эмблемы предложила декану моя соседка Верити. Она же собственноручно пришила ее на свое домашнее одеяло неуместной оранжевой нитью. Этим одеялом я укрыла саму Вер, чтобы не смотреть на нее...

Это и было покрывало Верити.

— Нет-нет, это не так, оно просто похоже или... — забормотала я себе под нос и, отшатнувшись от лоскута кашемировой ткани, попятилась. Забравшись на самокат, я объехала одеяло, то и дело косясь на него, будто в любой момент оно могло ожить и погнаться следом.

С чего я решила, что оно принадлежит именно Верити? Даже если я помню горькие слезы, которыми та захлебывалась, когда в очередной раз протыкала себе иголкой подушечки пальцев, промахиваясь мимо шва. Наверняка в мире полно подоб-

